

М. Бакунин

Бог и государство

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
М11

М11 **М. Бакунин**
Бог и государство / М. Бакунин – М.: Книга по Требованию, 2024. – 62 с.

ISBN 978-5-458-56304-8

ISBN 978-5-458-56304-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

государства, задерживать жизнь массъ, движущихся ниже его, держать ихъ въ невѣжествѣ, чтобы сохранить спокойствіе, и постепенно унижать ихъ, чтобы управлять ими съ болѣе высокаго трона.

Впрочемъ съ тѣхъ поръ, какъ на свѣтѣ появились „доктринеры“, настоящіе или мнимые гении не разъ брали уже въ свои руки управленіе скипетромъ міра, и мы знаемъ во что это намъ обошлось. Мы видѣли ихъ за работой, всѣхъ этихъ ученыхъ: они были тѣмъ суровѣе, чѣмъ больше они учились; тѣмъ уже въ своихъ взглядахъ, чѣмъ больше времени они посвятили всестороннему изученію какого-нибудь единичнаго факта. Безъ всякой жизненной опытности, потому что они долгое время не знали другого горизонта, кромѣ стѣнъ своего кабинета, они отличались ребяческими причудами и дѣтскимъ тщеславіемъ, были неспособны къ серьезной борьбѣ и никогда не могли научиться распознавать истинное соотношеніе вещей.

Не были ли мы недавно свидѣтелями основанія цѣлой школы „мыслителей“,—низкихъ льстецовъ и людей неопрятной жизни, которые построили цѣлую космогонію ради своей собственной выгоды? Согласно ихъ теоріи, міры были сотворены, общества развивались, революціи опрокидывали обветшавшій строй, государства погибали въ крови; нищетѣ и болѣзняхъ только для того, чтобы выдвинулся какой-нибудь избранный изъ академиковъ, для пышнаго расцвѣта котораго всѣ остальные люди не болѣе какъ удобреніе. Всѣ другія человѣческія существа обречены на смерть для того, чтобы эти джентльмены сдѣлались безсмертными!

Но мы можемъ быть спокойны: у всѣхъ этихъ академиковъ не найдется смѣлости Александра, разрубившаго мечомъ Гордіевъ узелъ. Управленіе при помощи науки сдѣлалось теперь такъ же невозможно, какъ и управленіе при помощи божественнаго права, богатства или грубой силы. Всѣ власти обречены отнынѣ на безжалостную критику. Люди, въ которыхъ зародилось чувство равенства, не потерпятъ болѣе, чтобы ими управляли, они научатся сами управлять собою. Низвергнувъ съ высоты небесъ родоначальника власти, люди низвергнутъ также всѣхъ тѣхъ, кто царствовалъ его именемъ. Въ этомъ сущность грядущей революціи. Государство должно разрушиться, чтобы дать мѣсто новому строю, въ которомъ, какъ любилъ говорить Бакунинъ, „человѣческое“ правосудіе будетъ замѣнено божественною справедливостію“. И для этого грядущаго обновленія ни одинъ изъ революціонеровъ въ мірѣ не сдѣлалъ такъ много, какъ сдѣлалъ Михаилъ Бакунинъ.

Богъ и государство.

Три элемента или три основныхъ принципа составляютъ въ исторіи главное условіе всякаго человѣческаго развитія, какъ коллективнаго, такъ и индивидуальнаго: 1) животная природа человѣка, 2) мысль и 3) духъ возмущенія. Сферой перваго элемента являются социальныя и частныя экономическія отношенія, сферой второго—наука, третьяго—свобода.

* * *

Идеалисты всѣхъ школъ, аристократы и буржуа, теологи и метафизики, политики и моралисты, изслѣдователи религій, философы и поэты, а также и ученые экономисты,—необузданные поклонники идеала, какъ намъ извѣстно,—очень оскорбляются, когда имъ говорятъ, что человѣкъ съ его могучимъ умомъ, возвышенными идеями, съ его безпредѣльными стремленіями, подобно всему существующему въ мірѣ, есть не болѣе какъ продуктъ грубой матеріи.

Мы можемъ отвѣтить, что матерія, о которой говорятъ материалисты, матерія самопроизвольно и вѣчно движущаяся, активная, превращающая химическую энергію въ динамическую, матерія, проявляющая себя въ миллионахъ комбинаціи механическихъ, физическихъ, животныхъ и разумныхъ силъ,—что эта матерія не имѣетъ ничего общаго съ грубой матеріей идеалистовъ. Последняя, продуктъ ихъ ложныхъ теорій, дѣйствительно глупая, бездушная, инертная вещь, неспособная дать рожденіе малѣйшему творенію, *seruit mortuum*, уродливая фантазія, придуманная только для контраста съ другой, прекрасной фантазіей, которую они называютъ Богомъ. Какъ противоположность этому высшему существу, матерія,—ихъ матерія,—лишенная ими всего, что составляетъ ея истинную природу, неизбѣжно должна представлять величайшее ничтожество. Они отняли у матеріи разумность, жизненность, всѣ ея существенныя качества, активныя соотношенія силъ, самое движеніе, безъ котораго матерія не имѣла бы даже вѣса. Не оставивъ ей ничего, кромѣ непроницаемости и абсолютной неподвижности въ пространствѣ, всѣ эти природныя силы, свойства и проявленія они приписали воображаемому существу, созданному ихъ отвлеченной фантазіей; затѣмъ, перемѣнивъ роли, они назвали этотъ продуктъ своего воображенія, этотъ фантомъ, этого Бога (который есть ничто) „Высшимъ Существомъ“, и какъ необходимое слѣдствіе отсюда, объявили,

что дѣйствительная реальность, матерія, міръ,—есть ничто. Послѣ этой глубокомысленной манипуляціи, они серьезно говорятъ намъ, что эта матерія неспособна произвести ничего, неспособна даже придти сама собою въ движеніе, и слѣдовательно должна была быть сотворена Богомъ.

Кто же правъ, идеалисты или матеріалисты? Разъ этотъ вопросъ достаточно выясненъ, колебаніе дѣлается невозможнымъ. Несомнѣнно, идеалисты неправы, а матеріалисты правы. Да, факты стоятъ впереди идеаловъ; идеаль, какъ сказалъ Прудонъ, не болѣе какъ цвѣтокъ, корень котораго лежитъ въ матеріальныхъ условіяхъ жизни. Да вся исторія человѣчества, интеллектуальная и моральная, политическая и социальная, не болѣе какъ отраженіе его экономической исторіи.

* * *

Всѣ отрасли современной науки, истинной и безкорыстной науки, съ полной солидарностью провозглашаютъ одну великую и непреложную истину: социальный міръ, собственно говоря, человѣческое міръ или человѣчество—есть ничто иное какъ высшее развитіе, высшее проявленіе животнаго міра, по крайней мѣрѣ, на нашей планетѣ, поскольку мы знаемъ. Но такъ какъ всякій процессъ развитія приводитъ въ концѣ-концовъ къ логическому отрицанію своихъ основныхъ предпосылокъ, то и развитіе человѣчества есть послѣдовательное и неуклонное освобожденіе отъ элементовъ животности. И именно въ процессѣ этой эволюціи отъ животнаго къ человѣческому, какъ естественное и логически, и исторически необходимое его слѣдствіе, и возникаетъ міръ идей, міръ интеллектуальныхъ и нравственныхъ убѣжденій,—создаются руководящіе идеалы.

Да, наши первые прародители, наши Адамы и Евы были если не гориллы, то очень близкіе родственники гориллы, всеядныя, разумныя и свирѣпыя животныя, одаренныя въ большей степени, чѣмъ животныя другихъ породъ, двумя драгоценными способностями—способностью мыслить и склонностью къ протесту, къ бунту, къ революціи. Многообразныя комбинаціи этихъ двухъ способностей и составляютъ движущую силу историческаго процесса, ведущаго къ полному торжеству человѣческаго начала надъ животнымъ.

Библия, очень интересная и мѣстами очень глубокая книга, если ее разсматривать какъ одно изъ древнѣйшихъ проявленій человѣческой мудрости и фантази, очень наивно выражаетъ эту истину въ своемъ мнѣіи о первородномъ грѣхѣ. Егова изъ всѣхъ боговъ, которымъ поклонялись люди, несомнѣнно самый завистливый, самый тщеславный, самый свирѣпый, самый несправедливый, самый кровожадный, самый деспотичный и самый враждебный человѣческому достоинству и свободѣ,—Егова создалъ Адама и Еву, чтобы удовлетворить неизвѣстно какому капризу, можетъ для того, чтобы имѣть нѣсколькихъ новыхъ рабовъ. Онъ великодушно предоставилъ въ ихъ распоряженіе всю землю, со всѣми ея плодами и животными, и только однимъ ограничилъ полноту радости жизни: онъ строго запретилъ имъ прикасаться къ плодамъ древа познанія. Слѣдовательно, онъ желалъ чтобы,

человѣкъ, лишенный всякаго познанія самого себя, вѣчно оставался животнымъ, вѣчно лазилъ на четверенькахъ передъ Богомъ „живымъ“, своимъ творцомъ и господиномъ. Но тутъ вступается Сатана, вѣчный мятежникъ, первый свободный мыслитель и эмансипаторъ міровъ. Онъ заставляетъ человѣка устыдиться своего животного невѣжества и своей покорности; онъ эмансипируетъ человѣка, побуждая его послушаться и вкусить плода познанія.

Мы знаемъ, что было дальше. Милосердный Богъ, всевѣдѣніе котораго, составляющее одно изъ божественныхъ свойствъ, должно было предупредить его о томъ, что совершилось, впалъ въ страшную и смѣшную ярость; онъ проклялъ Сатану, человѣка и созданный имъ самимъ міръ, поражая, такъ сказать, самого себя въ своемъ твореніи, подобно тому, какъ поступаютъ дѣти, когда разсердятся; и, не удовольствовавшись тѣмъ, что покаралъ нашихъ прародителей, онъ проклялъ ихъ во всѣхъ грядущихъ поколѣніяхъ, неповинныхъ въ преступленіи, совершенномъ ихъ предками. Наши католическіе и протестантскіе богословы находятъ этотъ поступокъ очень глубокомысленнымъ и справедливымъ именно потому, что это чудовищно несправедливо и нелѣпо. Затѣмъ, вспомнивъ, что онъ не только Богъ мести и гнѣва, но также и Богъ любви,—послѣ того, какъ наполнилъ мученіями жизнь нѣсколько билліоновъ бѣдныхъ человѣческихъ существъ и осудилъ ихъ на вѣчныя муки ада, онъ сжалился надъ остальными и, чтобы спасти ихъ и примирить свою вѣчную божественную любовь съ вѣчнымъ божественнымъ гнѣвомъ, постоянно жаждущимъ жертвъ и крови, онъ послалъ въ міръ, въ видѣ искупительной жертвы, своего единственнаго сына для того, чтобы онъ былъ убитъ людьми. Это называется тайной Искупленія. Эта тайна положена въ основу всѣхъ христіанскихъ религій. Еще если бы божественный Спаситель спасъ весь родъ человѣчскій. Но, нѣтъ, въ общанномъ Христомъ раю, какъ мы знаемъ, число избранныхъ будетъ очень невелико. Остальные, огромное большинство теперешнихъ и грядущихъ поколѣній, будутъ вѣчно горѣть въ аду. А пока, чтобы утѣшить ихъ, всеправедный и всеблагій Богъ вручаетъ власть надъ землею Наполеонамъ Третьимъ, Вильгельмамъ Первымъ, Фердинардамъ Австрійскимъ и Александрамъ Всероссійскимъ.

И такія нелѣпыя сказки, такія чудовищныя доктрины преподаются при полномъ свѣтѣ девятнадцатаго столѣтія во всѣхъ народныхъ школахъ Европы по особому наказу правительствъ. Они называютъ это народнымъ просвѣщеніемъ! Не ясно ли, что всѣ правительства суть систематическіе отравители, корыстные мракобѣсы, насильники народной мысли?!

Таковы низкія и преступныя средства, которыя они употребляютъ для того, чтобы держать народы въ вѣчномъ рабствѣ, и безпрестанно сдирать съ нихъ шкуру. Что значатъ преступления всѣхъ Тропмановъ въ міръ по сравненію съ этимъ преступленіемъ измѣны человѣчеству, совершаемымъ среди бѣлаго дня на всемъ пространствѣ цивилизованнаго міра тѣми, кто смѣетъ называть себя отцами народа?

И однако въ миеѣ о первородномъ грѣхѣ Богъ соглашается,

что Сатана былъ правъ: онъ признаетъ, что дьяволъ не обманулъ Адама и Еву, обѣщая имъ знаніе и свободу въ награду за проступокъ послушанія, который онъ ихъ склонилъ совершить, такъ какъ непосредственно послѣ того, какъ они вкусили запрещеннаго плода, самъ Богъ сказалъ (см. Библию): „И вотъ люди сдѣлались какъ боги, знающіе добро и зло; и такъ не допустимъ ихъ вкушать плоды вѣчной жизни, чтобы они не сдѣлались безсмертными, подобно Намъ самимъ“.

* * *

Оставимъ теперь въ сторонѣ баснословную часть этого міра и обратимъ вниманіе на его истинное значеніе, которое не можетъ имѣть двухъ толкованій. Смыслъ міра ясенъ: человѣкъ эманипировался; онъ отдѣлился отъ животнаго міра и сдѣлался человѣкомъ; актомъ послушанія и познанія, т. е. возмущеніемъ и мысленіемъ, онъ началъ свою отдѣльную человѣческую исторію и свое человѣческое развитіе.

Система идеалистовъ совершенно противоположна этой. Она заключаетъ въ себѣ отрицаніе всего человѣческаго опыта и того всеобщаго здраваго смысла, который является первоисточникомъ всякаго человѣческаго познанія и который, исходя изъ простой давно признанной истины, что дважды два—четыре, подымается до самыхъ возвышенныхъ и сложныхъ научныхъ построеній, и отбросивъ все непровѣренное наблюденіемъ и опытомъ, является, повторяю, единственнымъ серьезнымъ основаніемъ человѣческаго знанія.

Постепенное развитіе матеріальнаго міра такъ же, какъ органической и животной жизни и исторически прогрессирующаго разума и въ отдѣльныхъ индивидахъ, и въ человѣческомъ обществѣ, вполне понятно. Это совершенно естественная эволюція отъ простаго къ сложному, отъ низшаго къ высшему; эволюція, согласная со всѣмъ нашимъ ежедневнымъ опытомъ, и слѣдовательно согласная и съ законами нашего разсудка, который, образовавшись и развившись только при помощи этихъ самыхъ опытовъ, есть ихъ логическій продуктъ.

Идеалисты же вмѣсто того чтобы, руководствуясь опытомъ природы, слѣдовать отъ низшаго къ высшему, отъ простаго къ сложному, отъ міра, называемаго неорганическимъ къ міру органическому, растительному, животному, а затѣмъ человѣческому, отъ матеріи какъ химическаго элемента къ матеріи какъ живому существу и отъ живого существа къ существу мыслящему, — идеалисты ослѣпленные, одержимые и руководимые божественнымъ фантомомъ, унаслѣдованнымъ ими отъ теологовъ, идутъ какъ разъ обратной дорогой. Они идутъ отъ высшаго къ низшему, отъ сложнаго къ простому. Они начинаютъ съ Бога, какъ личности или божественной субстанціи, и первый шагъ, который они дѣлаютъ, есть страшное паденіе съ высотъ вѣчной идеи въ ничтожество матеріальнаго міра; отъ абсолютнаго совершенства къ абсолютному несовершенству; отъ мысли къ матеріи, отъ высшаго существа къ ничтожеству. Когда, какъ и почему божественное Существо, вѣчное, безконечное, абсолютно-совершенное, вѣроятно надоѣвшее самому себѣ, рѣшилось на этотъ отчаянный сальтоморtale, —

этого ни одинъ идеалистъ, ни одинъ теологъ, ни одинъ метафизикъ, ни одинъ поэтъ никогда не были способны понять сами и объяснить профанамъ. Всѣ религіи прошлыя и настоящія и всѣ системы трансцендентальной философіи вертятся на этой единственной и предательской *) тайнѣ. Святые люди, вдохновенные законодатели, пророки, мессіи и проч. посвящали всю свою жизнь изслѣдованію этой тайны и находили только мученія и смерть. Подобно древнему сфинксу, она пожирала ихъ, потому что они не могли разгадать ее. Великіе философы, начиная съ Гераклита и Платона и кончая Декартомъ, Спинозою, Лейбницемъ, Кантомъ, Фихте, Шеллингомъ и Гегелемъ, не говоря уже объ индусскихъ философахъ, написали кучи томовъ и построили системы настолько же возвышенныя, насколько и остроумныя, въ которыхъ они мимоходомъ высказывали многія великія и прекрасныя вещи и раскрывали безсмертныя истины, но всѣ они оставили эту тайну, главный предметъ ихъ трансцендентныхъ изслѣдованій, такую же непостижимую, какою она была и раньше. Гигантскія усилія самыхъ замѣчательныхъ геніевъ, какихъ только зналъ міръ, предпринимавшихъ одинъ за другимъ въ теченіе, по крайней мѣрѣ, тридцати столѣтій снова и снова этотъ Сизифовъ трудъ, въ результатъ привели къ тому, что эта тайна сдѣлалась еще болѣе непостижимой. Можно ли надѣяться, что она будетъ намъ открыта рутинными размышленіями какого-нибудь эпигона гальванизированныхъ метафизиковъ въ наши дни, когда всѣ здоровые и глубокіе умы отрясли отъ ногъ прахъ этой подозрительной науки, рожденной отъ незаконнаго сожительства неразумной вѣры съ трезвымъ научнымъ разумомъ.

* * *

Очевидно, что эта ужасная тайна необъяснима, иначе говоря, нелѣпа, такъ какъ только абсурдъ не допускаетъ объясненій. Очевидно, что тотъ, кто находитъ ее существенной для своей жизни и счастья, долженъ отречься отъ здраваго разсудка и возвратиться, если онъ можетъ, къ слѣпой, наивной, неразумной вѣрѣ, чтобы повторять вмѣстѣ съ Тертулліаномъ и другими вѣрующими фразу, въ которой заключается самая квинтъ-эссенція теологіи: „Credo quia absurdum“.

Тогда всякіе споры прекращаются, и не остается ничего, кромѣ торжествующей глупости. Но тотчасъ же встаетъ другой вопросъ: какимъ образомъ интеллигентный и хорошо образованный человѣкъ можетъ чувствовать потребность вѣрить въ эту тайну?

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что вѣра въ Бога, творца, распорядителя, судью и хозяина, то проклипающаго міръ, то изливающаго на него свой благодѣянія, — господствуетъ среди народа.

---

*) Я называю эту тайну сотворенія, грѣхопаденія и искушенія человѣка — предательской потому, что она была и продолжаетъ быть санкціей для всѣхъ ужасовъ, которые совершались и совершаются въ мірѣ; я называю ее предательской потому, что всѣ другія теологическія и метафизическія нелѣпости, унижающія человеческій разумъ — ничто иное какъ ея необходимыя послѣдствія.

особенно въ глухой провинціи, гдѣ она распространена несравненно больше, чѣмъ среди городского пролетаріата. Къ несчастію, народъ все еще очень невѣжествененъ, благодаря систематическимъ усилямъ всѣхъ правительствъ, не безъ основанія полагающихъ, что невѣжество массъ—одно изъ главнѣйшихъ условій ихъ власти. Обремененный ежедневной работой, лишенный досуга, разумной бесѣды, чтенія, словомъ, всѣхъ средствъ и побужденій, развивающихъ въ человѣкѣ мышленіе,—народъ обыкновенно принимаетъ религіозныя традиціи безъ всякой критики, оптомъ. Эти традиціи окружаютъ его съ дѣтства во всѣхъ обстоятельствахъ жизни и, искусственно поддерживаемыя въ умахъ множествомъ официальныхъ отравителей всякаго рода, духовныхъ и свѣтскихъ, обращаются въ привычку, часто гораздо болѣе могущественную, чѣмъ здравый смыслъ.

Есть и другая причина, которая объясняетъ и до нѣкоторой степени оправдываетъ нелѣпыя вѣрованія народа, а именно: тяжелое положеніе, на которое народъ осужденъ экономическимъ строемъ общества даже въ наиболѣе культурныхъ странахъ Европы. Доведенный до минимума человеческой жизни въ своихъ потребностяхъ интеллектуальныхъ и моральныхъ такъ же, какъ и въ матеріальныхъ, стѣсненный въ своей жизни, какъ узникъ въ тюрьмѣ, безъ горизонтовъ, безъ просвѣта, даже безъ будущаго, если вѣрить экономистамъ, народъ имѣлъ бы узкую душу и грубые инстинкты буржуа, еслибъ онъ не чувствовалъ желанія найти выходъ изъ этого заколдованнаго круга.

Для осуществленія этого желанія у него есть три способа: два фантастическихъ и одинъ реальный. Первые два—кабакъ и церковь, развать тѣла и развать духа; третій—соціальная революція. Последняя гораздо успѣшнѣе, чѣмъ всякая пропаганда свободныхъ мыслителей, разрушить религіозныя вѣрованія и измѣнить привычки народа, его вѣрованія и обычаи, имѣющіе между собою гораздо болѣе близкую связь, чѣмъ это принято обыкновенно думать. Замѣнивъ призрачныя и грубыя наслажденія физическаго и духовнаго распутства утонченными разнообразными наслажденіями развитаго человѣчества, соціальная революція, одна, будетъ имѣть власть одновременно запретить всѣ кабаки и всѣ церкви.

До тѣхъ поръ народъ, взятый какъ цѣлое, будетъ вѣрить, и хотя объекты вѣры и призрачны, но потребность въ ней неискоренима.

Существуетъ классъ людей, которые, если не вѣрятъ, то должны, по крайней мѣрѣ, дѣлать видъ, что вѣрятъ. Къ этому классу принадлежатъ всѣ мучители, всѣ угнетатели и эксплуататоры человѣчества: священники, монархи, государственные люди, солдаты, финансисты, чиновники всѣхъ ранговъ, полицейскіе, жандармы, тюремщики и палачи, монополисты, капиталисты, бюрократы, подрядчики и домовладѣльцы, адвокаты, экономисты, политики всѣхъ оттѣнковъ, купцы кончая самымъ мелкимъ торговцемъ пряниками. Всѣ они повторяютъ въ унисонъ слова Вольтера: „Если бы Бога не было, то его надо было бы изобрѣсти“, потому что „вы понимаете, народъ долженъ имѣть религію. Это—предохранительный клапанъ“.

Существует, наконецъ, довольно многочисленный классъ честныхъ, но робкихъ душъ, которыя слишкомъ интеллигентны для того, чтобы серьезно принять всѣ христіанскіе догматы, но, отвергая ихъ въ подробностяхъ, они не имѣютъ достаточно мужества и рѣшимости цѣликомъ выбросить ихъ за бортъ. Они позволяютъ вамъ критиковать вопіющія нелѣпости религіи, вмѣстѣ съ вами подтруниваютъ надъ чудесами, но отчаянно цѣпляются за главный абсурдъ, источникъ всѣхъ другихъ абсурдовъ, за чудо, объясняющее и оправдывающее всѣ другія чудеса,—существованіе Бога. Ихъ Богъ не—сильное, могущественное существо, не—совершенно опредѣленный Богъ теологіи, а туманное призрачное существо, которое исчезаетъ и обращается въ ничто при первой попыткѣ опереться на него; это миражъ, ignis fatuus (блуждающій огонекъ), который не свѣтитъ и не грѣетъ. Но они крѣпко держатся за него и вѣрятъ, что если онъ исчезнетъ, то и все исчезнетъ вмѣстѣ съ нимъ. Это колеблющіяся, анемичныя души, заблудившіяся въ современной цивилизаціи, не принадлежащія ни къ настоящему, ни къ будущему, блѣдные призраки, вѣчно висящіе между небомъ и землей, между политикою буржуазіи и социализмомъ пролетаріата. У нихъ нѣтъ ни энергіи, ни желанія, ни рѣшимости слѣдовать своимъ мыслямъ, и они теряютъ попусту время въ постоянныхъ мучительныхъ усиліяхъ примирить непримиримое. Въ общественной жизни они извѣстны подъ именемъ буржуа—соціалистовъ, конституціоналистовъ демократовъ и т. п. Не стоитъ терять времени на полемику съ ними: это друзья, которые никому не нужны, и враги, которые никому не страшны.

* * *

Но есть нѣсколько замѣчательныхъ людей, о которыхъ никто не смѣетъ говорить безъ уваженія, сильный, здоровый умъ которыхъ, а также и благородство намѣреній не подлежатъ никакому сомнѣнію. Мнѣ достаточно назвать имена Мадзини, Мишле, Кинэ, Джона Стюарта Милля *). Благородныя и великія души, великія сердца, великіе умы, великіе писатели, (первый изъ нихъ герой и революціонеръ, возродившій великую націю), и однако всѣ они—апостолы идеализма, жестоко презирающіе матеріализмъ и ярые противники его, и слѣдовательно и социализма также, какъ въ философіи, такъ и въ политикѣ. Имѣя въ виду этихъ противниковъ мы должны обсудить этотъ вопросъ.

Прежде всего надо принять во вниманіе, что ни одинъ изъ названныхъ мною великихъ людей, и, вообще, ни одинъ сколько-нибудь выдающійся идеалистъ-мыслитель нашихъ дней не обратилъ вниманія на собственно логическую сторону данного вопроса; ни одинъ не попытался философски установить возможность божественнаго сальтоморtale изъ чистыхъ и вѣчныхъ областей духа

---

*) Стюартъ Милль, быть можетъ, единственный, въ серьезности идеализма котораго можно откровенно сомнѣваться по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому что онъ былъ пламеннымъ поклонникомъ и послѣдователемъ позитивной философіи Огюста Конта, философіи, которая несмотря на значительныя уклоненія отъ истиннаго позитивизма все-же глубоко атеистична; во вторыхъ, потому, что Стюартъ Милль былъ англичанинъ, а объявлять себя въ Англіи атеистомъ значить подвергнуться остракизму, даже и въ наши дни.

въ прахъ матеріального міра. Боялись ли они приблизиться къ этому непримиримому противорѣчію, не надѣясь разрѣшить его послѣ неудачъ великихъ гениевъ исторіи, или считали его уже достаточно выясненнымъ,—это ихъ тайна. Фактъ тотъ, что они не интересовались теоретическими доказательствами существованія Бога, принимая древность и всеобщность вѣрованія въ бытіе Божіе несомнѣннымъ и достаточнымъ доказательствомъ самаго факта этого бытія.

Это импонирующее единодушіе великихъ людей и писателей въ глазахъ многихъ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ всѣ научныя доказательства. Если же нѣкоторые логичные и. допустимъ, даже очень могучіе мыслители возставали противъ общепризнанной истины, „то тѣмъ хуже для нихъ и ихъ логика“, говорятъ люди, подобные Джузеппе Мадзини и Жозефу де-Местру, „такъ какъ всеобщее и повсемѣстное, начиная съ первобытныхъ временъ и до нашихъ дней, признаніе какой-нибудь идеи, всегда считалось самымъ неоспоримымъ свидѣтельствомъ ея истины“. „Чувство цѣлаго міра, убѣжденіе, составившееся и поддерживаемое всегда и всѣми, не можетъ быть ошибочно; оно должно корениться въ потребности, присущей самой природѣ человѣка. И съ тѣхъ поръ, какъ установлено, что всѣ народы, прошедшіе и настоящіе, вѣрили и вѣрятъ въ существованіе Бога, ясно, что тѣ, кто имѣетъ несчастье сомнѣваться въ немъ, какова бы ни была логика, приведшая ихъ къ этому сомнѣнію, суть исключенія, выродки, чудовища“. Итакъ древность и повсемѣстность вѣрованія, хотя бы противнаго всякой наукѣ и логикѣ, считается достаточнымъ и безспорнымъ доказательствомъ его истины.

Почему? До временъ Коперника и Галилея всѣ вѣрили, что солнце вращается вокругъ земли. Развѣ всѣ не ошибались? Есть ли что-нибудь древнѣе и повсемѣстнѣе рабства? Быть можетъ, каннибализмъ? Отъ самаго начала историческихъ обществъ до нынѣшняго времени всегда и вездѣ существовала эксплуатація рабовъ, крѣпостныхъ, служащихъ, доминирующимъ меньшинствомъ, угнетеніе народа церковью и государствомъ. Слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что эта эксплуатація и угнетеніе абсолютно нераздѣльны съ самымъ существованіемъ человѣческаго общества? Вотъ примѣры, показывающіе, что аргументъ поборниковъ Господа Бога ничего не доказываетъ. Въ дѣйствительности ничего нѣтъ повсемѣстнѣе и древнѣе несправедливости и абсурда; истина же и справедливость, наоборотъ, наименѣе распространенныя новобразованія въ развитіи человѣческаго общества.

Въ этомъ фактѣ заключается также объясненіе постоянно повторяющагося, историческаго явленія, а именно: преслѣдованіе тѣхъ, кто первый провозгласилъ истину какъ со стороны официальныхъ, привилегированныхъ и корыстныхъ представителей „повсемѣстныхъ“ и „древнихъ“ вѣрованій, такъ же и со стороны народныхъ массъ, которыя, замучивши проповѣдниковъ истины, всегда кончали тѣмъ, что принимали ихъ идеи и способствовали ихъ всеобщему распространенію.

* * *

Для насъ, матеріалистовъ и соціалистовъ-революціонеровъ, нѣтъ въ этихъ явленіяхъ ничего непостижимаго или ужаснаго.